

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВО»

Аннотация. В статье представлен обзор и анализ терминологии, применявшейся для обозначения государства от древности до XIX века.

Ключевые слова: республика, государство, власть, гражданское общество, содружество.

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.44.4.037-048

O. V. MARTYSHIN,

*Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

ktgp@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE HISTORY OF THE GENERATION OF THE CONCEPT OF «STATE»

Abstract. Present review and analysis of terminology used to designate state from antiquity to the 19th century.

Keywords: republic, state, power, civil society, commonwealth.

**Орест Владимирович
МАРТЫШИН,**

*доктор юридических наук,
профессор, профессор
кафедры теории
государства и права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ktgp@msal.ru

*125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9*

Государство — объединение людей, проживающих на определенной территории и подчиняющихся единому правительству, обладающему суверенной властью. Подобное первоначальное определение, нуждающееся в уточнениях и детализации, применимо как к межгосударственным, так и внутригосударственным отношениям. Специально для последнего случая более подходит иная дефиниция: организация публичной власти в обществе. И она требует пояснений, так как в глубокой древности публичная власть не носила государственного характера, а если верить анархистам и коммунистам, не будет его носить и в будущем.

Современное понятие государства — продукт длительной исторической эволюции. Его самым отдаленным прообразом явилась, вероятно, идея власти, рассматривавшейся как важнейший элемент социального устройства, являющегося, в свою очередь, частью установленного по воле богов мирового порядка. Власть понималась как средство введения общественной жизни в определенные рамки, подчинения всех людей установленным высшими силами правилам. Еще в доисторические времена люди пришли к выводу, что состояние безвластия — это бедствие. Предметность мышления не позволяла выработать общее понятие анархии, но ее конкретные формы и ее пороки были хорошо известны древним народам. В Индии, в ведийской литературе, часто встречаются два термина: «апарудха» — ситуация, когда царь оказывается изгнанным, и «араджата» — состояние безвластия¹.

¹ Saleore B. A. Ancient Indian Political Thought and Institutions. L., 1963. P. 131.

Анархия — это торжество эгоистических стремлений людей, постоянная борьба между ними, в ходе которой сильные торжествуют над слабыми. Древнеиндийские источники говорят, что в этом состоянии господствует «закон рыб» (большие хищные рыбы пожирают маленьких), что соответствует нашему представлению о «законе джунглей».

Различным вариантам анархий противопоставлялись представления об упорядоченной общественной жизни, о наличии власти. Она определялась словами «раштра» (переводится иногда как «государство» или «царство») и «кшатра» — власть, суверенность.

Монархия обозначалась термином «царство». Немонархические политические образования определялись санскритскими словами «сангха», «гана». Их значение не адекватно «республике», оно более конкретно связано со специфическими формами общин и корпораций. «Сангха» примерно соответствует конфедерации немонархических объединений. «Гана» — отдельное немонархическое объединение. Термин этот понимается и как племя, собрание.

Ведийские источники говорят о двух властях — духовной и светской, «брахм» и «кшатре»; первая — принадлежность варны (касты) брахманов, вторая — кшатриев. Кшатра — это власть правителя, политическая власть, а брахма — духовный авторитет, способность к сношению с высшими силами, обязанность обучать ведам и толковать их и т.п. Древние источники говорят, что брахма выше кшатры, что кшатра произошла от брахмы (Законы Ману, IX, 321), но это не решение проблемы политического верховенства, а утверждение первичности духовного начала по отношению к телесному.

Все древнейшие религиозные системы мировоззрения рассматривают власть в обществе как проявление воли богов. Среди египтян существовал миф, что некогда фараонами были боги и полубоги, потом их сменили люди, которые сохраняли особую близость к богам, что делало вполне объяснимым их обожествление. В ведийской Индии выдвигались два решения проблемы происхождения кшатры: создание правителя богами (или утверждение его власти по воле богов) и избрание правителя людьми. Но и в последнем случае боги всегда санкционируют результат народного выбора и как бы берут власть под свою опеку. В древнейший период истории Китая (династия Инь или Шан) считалось, что основателем правящей династии было само небо, что ваны — властители иньцев — получили власть от своих обожествленных предков и осуществляли связь с небесными силами. Пришедшая на смену иньцам в конце XII в. до н.э. династия Чжоу взяла на вооружение прежнюю систему идеологического оправдания власти — мандат неба (тянь-мин), дополнив ее идеей периодической смены мандатов: небо отбирает мандат у одной династии и передает его другой.

Идея божественного происхождения власти сочеталась у народов Древнего Востока с патерналистскими представлениями о государстве. Конфуций уподобляет государство гигантской семье. Царь — отец, старший в роде. Цель царской власти — общее благо этой семьи. Конфуций предпочитает и семейные методы управления — личный пример, добродетельность царя и чиновников, нравственное воздействие, а не обращение к закону и связанному с ним принуждению. Правда, с конфуцианством конкурировала школа легистов, доказывавших, что

призывы к добродетели — пустая болтовня и что управлять нужно посредством закона и принуждения.

Концепция божественного происхождения власти и патернализма характерны для всех древних и средневековых обществ. На Западе они находили не только выразителей, но и многочисленных приверженцев еще в XVII в. Накануне Английской буржуазной революции король Яков I отстаивал доктрину божественного права королей, неограниченности их полномочий и отеческого характера власти. Другой английский политический мыслитель той поры, Р. Филмер, в сочинении «Патриархия», написанном не позднее 1642 г., переносит принципы семейной организации на политические отношения. Филмер полагает, что создатель, наделив Адама властью над всеми живыми существами, сделал его монархом и что только монархия как форма отеческой власти, предначертанной заповедью «почитай отца своего», основывается на божественном праве. Рецидивы патриархальной теории встречались и в XVIII в. В России представления о «царе-батюшке» сохранялись в народном сознании и значительно позже.

В VI—V вв. до н.э. рядом с мифологическим объяснением природы государства возникает рационалистическое. Конфуцию приписывают мысль, что нет таких явлений, которые не могут быть поняты с помощью разума. Будда, отвергая священный характер вед, стремился десаκραлизировать и политическое сознание. Он не признавал божественного происхождения варн и власти. В сборнике «Дигха Никайя», представляющем собой часть наиболее древних священных текстов буддизма, так называемого Палийского канона (V—III в. до н.э.), содержится поразительный по глубине и оригинальности рассказ о происхождении политической власти. Индийские исследователи видят в нем предвосхищение мыслей, изложенных Ж.-Ж. Руссо в «Рассуждениях о происхождении и основаниях неравенства среди людей». «Дигха Никайя» предлагает вариант договорной теории происхождения государства, которая была известна и источникам ведийской эпохи. Однако, в отличие от брахманистских текстов, идея выбора первого правителя народом проводится с полной последовательностью, о каком-либо вмешательстве или одобрении богов совершенно не упоминается. Вместо абстрактных рассуждений о нарушении людьми своего долга (дхармы), об эгоизме, о «законе рыб» четко проводится мысль, что государство возникло в связи с конфликтами из-за владения землей (именно это вызывает ассоциации с Руссо). С общественными неурядицами и избранием правителя «Дигха Никайя» связывает и возникновение сословно-кастового строя. Первый правитель положил начало варне кшатриев. Принадлежность к той или иной варне определяется родом деятельности каждого человека. Никакого божественного предопределения здесь нет.

В V в. до н.э. Мо-цзы впервые в Китае обратился к схеме, так напоминающей договорную теорию: «В Поднебесной существовал такой же хаос, как в мире зверей и птиц... Наконец люди поняли, что все неурядицы от отсутствия руководителей. Тогда они выбрали наиболее достойного человека и поставили его сыном неба...»

Крупный шаг в деле рационализации представлений о государстве сделали античные греки. Этому способствовала бурная политическая жизнь Греции, столь контрастировавшая с принципиальной неизменностью форм организации политической организации стран Востока (восточная деспотия). Греки поразительно

быстро пробежали путь от патриархальной монархии через аристократию и тиранию к наиболее развитым формам своей государственной организации — полной или цензовой демократии.

Рассуждения о политике, т.е. о государстве, приобрели в Греции постоянный и профессиональный характер благодаря софистам. Их отличали рационализм и скептицизм, сказавшийся в критическом отношении к существующим порядкам. Восточные мудрецы раскрывали разумность извечных божественных установлений. Высшим проявлением критического отношения к действительности с их стороны служил призыв вернуться к первозданному совершенству, нарушенному из-за своеволия неразумных людей. Греки, свидетели и участники бурной общественной жизни, концентрировали свои интеллектуальные усилия на создании модели наилучшего политического устройства. Такая ориентация придавала их мысли динамизм, освобождала от патриархальности.

Если Конфуций уподобляет государство огромной семье, то Аристотель считает важным провести четкую грань между отеческой и государственной, т.е. политической, властью. Для него государство — сложная система, состоящая из многих в чем-то самостоятельных и свободных составных частей, каковыми являются селения, семьи и граждане. Аристотель отмечает, что семья отличается бóльшим единством, чем государство, а отдельный человек — бóльшим единством в сравнении с семьей. Попытка утвердить в государстве ту же степень единства, что в семье и человеке, привела бы к уничтожению государства. В домохозяйстве Аристотель выделяет три вида власти: власть господина над рабами, власть отца над детьми и власть мужа над женой. Лишь последний вид Аристотель уподобляет власти политического деятеля. Принципиальную особенность политической власти он видит в том, что, в отличие от господства над рабами и зависимыми людьми, это власть над людьми свободными и равными.

Греки не прибегают к «мандату неба» для обоснования природы государства и его происхождения. Государство либо создается путем общественного договора (точка зрения некоторых софистов), либо представляет собой творение природы. В последнем случае оно возникает само по себе в ходе общественной эволюции. Это результат естественного разделения труда, диктуемого потребностями достижения наибольшего эффекта посредством профессионализации и кооперации, взаимодополняемости разных профессий (Платон), или столь же естественного стремления человека как «животного политического» к общению с себе подобными для достижения своих целей, подталкивающего его от низших форм объединения (семья, селение) к совершенной форме (государство), позволяющей удовлетворить все потребности человека (Аристотель).

Для обозначения того, что ныне называется государством, Аристотель, как и все мыслители древней Греции, пользовался понятием «полис» (город-государство). Оно и шире, и в то же время уже современного понятия государства. Шире, потому что под полисом понимались и государство, и город, т.е. и государство, и общество, одно не отделялось от другого. Уже, потому что иные формы политических объединений (в первую очередь власть варварских монархов, восточная деспотия) не признавались государствами в строгом смысле слова. Считалось, что они не доросли до полисного или политического уровня. Они оставались за пределами политической науки.

Строгую противопоставленность полисного и неполитического общения людей несколько противоречило делению всех форм государства на правильные и неправильные, характерное для древнегреческих авторов. По Аристотелю, только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются согласованными со строгой справедливостью, правильными, а те, которые имеют в виду только благо правящих, представляют собой отклонения от правильных и основаны на началах господства. Трудно понять, чем тирания, являющаяся неправильной формой монархии, отличается от неполитических форм, от той же деспотии варварских восточных монархов, кроме своих территориальных пределов и специфики исторически сложившихся обычаев.

Если, противопоставляя полисные формы неполысным, античные греки отгораживались от Востока, то в отождествлении общества и государства, в рассмотрении их как единого, нерасчлененного целого они следовали традиции всей политической мысли древности и Средневековья. Речь шла о едином понятии политически организованного общества, об обществе, неотъемлемой, органической частью которого является политическая власть. Именно таково содержание слова «полис». И мыслители Востока при всей предметности и эмпиричности их представлений о государстве, при отсутствии абстрактного понятия, соответствовавшего греческому полису, понимали под ним примерно то же — общество с политической властью. Так, в древнеиндийской традиции заменителем абстрактного понятия государства в какой-то мере служили представления о составных частях «царства». Ранние шастры (трактаты по «политической науке») перечисляли семь элементов политической структуры: правитель, министры, сельская местность, город, казна, армия и союзник (последнее свидетельствует о том, что представления о внешнем суверенитете, об обособленности государств были столь же условны или неразвиты, как и различия между политическим и неполитическим). Этот перечень воспроизводится и в «Артхашастре» Каутильи (к нему прибавлен восьмой элемент — враг)², и в Законах Ману (IX, 294).

Латинизация категорий, которыми пользовались древнегреческие писатели, в частности перевод на латынь платоновского диалога «Государство», привела к появлению нового термина, которым в Европе стали широко пользоваться для выражения идеи политически организованного общества.

Слово «республика» в буквальном переводе с латинского означает «общее благо», «общее дело», «общее достояние». Оно примерно соответствовало содержанию «полиса» или «политики», для которых было характерно приобщение к управлению, т.е. к решению общих дел широкого круга свободных людей (не иностранцев): первоначальное понимание «республики» расходится с современным. Это именно государство, а не одна из его форм, не власть немногих или большинства, противопоставляемая власти одного лица — монархии. Буквальным переводом латинского термина «республика» явилось многозначное английское слово «commonwealth», употребляемое и по сей день, в основном в смысле «Британское содружество наций». Но это слово употреблялось и употребляется и как синоним государства, а после казни Карла I, с 1649 по 1668 г.,

² Артхашастра, или Наука политики. М.-Л., 1959. С. 283, 285.

оно служило официальным наименованием недолговечной английской республиканской государственности.

С христианством в европейскую мысль и практику пришло различие между духовной и светской властью, неизвестное Греции и Риму.

В чем-то оно напоминало различие между брахмой и кшатрой брахманизма и индуизма. Однако четкая институционализация церкви, ее соперничество со светскими властителями и посягательства на их прерогативы придали этому делению большое политическое значение. Соотношение «града божьего» и «града земного» стало главной теоретической и практической проблемой в политической жизни средневековой Европы. Умеренный вариант решения этой проблемы, предложенный Августином Блаженным, сводился к независимости двух градов и невмешательству в дела друг друга при безусловном признании духовных принципов и ценностей высшими. Однако слабость королевской власти подталкивала папский престол к провозглашению своего верховенства, к притязаниям на высшую не только духовную, но и светскую власть над всем христианским миром. В православной, греческой церкви эта проблема была решена проще и последовательнее. Юстиниан, император Восточной Римской империи, в V в. провозгласил себя высшей властью в церкви, сведя дуализм к минимуму.

Термин, применяемый ныне в западноевропейских языках для обозначения государства, был введен в обиход в начале XVI в. Н. Макиавелли. Итальянское «*stato*» преобразовалось во французское «*État*», английское «*state*», немецкое «*Staat*», испанское и португальское «*Estado*». Близкие к *stato* слова использовались для выражения понятий «состояние», «положение». *Stato* восходило к латинскому *status*, производному от глагола «*stare*», и несло смысловую нагрузку, включавшую «состояние», «установление», «структуру», «порядок». Новый термин придавал понятию суверенитета, т.е. высшей власти, абстрактное содержание, отделял его от конкретных носителей власти. Для Макиавелли государство означало не столько действительность с раздробленностью страны, междоусобицей, сколько состояние, к которому Италии следовало стремиться. Введя термин «государство» (*stato*), Макиавелли впервые стал четко употреблять традиционное понятие «республика» в его современном значении, т.е. как форму правления, как родовое понятие по отношению к аристократии и демократии, как противоположность монархии.

Признаком зрелости понятия «государство» служит его отделение от таких явлений, как общество, страна, народ, территория, от конкретных органов или индивидуальных носителей власти. Хотя Макиавелли не провел этих различий, введение нового термина содействовало решению задачи.

То, что введенный Макиавелли термин прижился во всех западноевропейских языках, свидетельствовало о его полезности. Всеобщее признание было завоевано не сразу. Продолжали употреблять и старые выражения. Современник Макиавелли Лютер в сочинениях на латинском языке пользовался словом «республика», на немецком *Obigkeit*, что значит «власть», «начальство». Жан Боден (1530—1596), который не мог простить Макиавелли его славы творца политической науки (по мнению Бодена, незаслуженной), также рассуждал о «республике». Но у представителей светской мысли в таких случаях происходило постепенное усвоение, восприятие потенциальных возможностей новой терминологии, введенной Макиавелли.

Именно Боден в «Шести книгах о государстве» (т.е. «республике») заложил основы современного понимания этого явления. Боден определяет государство («республику») как «справедливое управление многими семьями и их общими интересами с суверенной властью». Главный компонент этого определения — понятие суверенитета, абстрагирующееся от его конкретных носителей. Суверенитет, по Бодену, абсолютная, т.е. независимая ни от какой другой власти, и постоянная власть. Последующие усовершенствования боденовского определения свелись к выявлению географических пределов, т.е. территориальных границ власти, и ее возможности применять законное принуждение, ее монополии на законное принуждение, впрочем, последнее заложено и в боденовском понимании абсолютной власти.

С XVI в., с Макиавелли, Бодена и их современников, начинает складываться понятие государства-нации, противопоставлявшееся городу-государству, власти феодальных сеньоров. Оно соответствовало практике постепенного, но неуклонного становления централизованных абсолютистских монархий в крупнейших странах Европы. XVI век был отмечен крупными достижениями в этом плане в Англии, Франции, Испании, России. Мечта Макиавелли, цель, которую он ставил перед Италией, — объединение страны, создание национального государства. Новому явлению соответствовало и новое слово.

Появление абстрактных понятий для обозначения политической власти, суверенитета — полис, республика — представляет собой, пожалуй, специфику европейской культуры, результат бурной политической жизни, а главное, существенной эволюции политических институтов, несвойственной странам Востока. Там на протяжении тысячелетий сохранялись патриархальные представления о власти и терминология, возникшая на основе древней или средневековой цивилизации.

Показательна в этом отношении мусульманская традиция, сложившаяся на основе самой молодой из мировых религий — ислама. Исламский мир не знает понятия, полностью соответствующего современному европейскому определению государства. Оно заменяется терминами «халифат» или «имамат», возникшими по той же предметной логике, как царство или королевство — от царя и короля. «Халифат» — это объединение верующих под главенством халифа, преемника пророка, слово означает «преемство». «Имамат» (буквально «руководство молитвой», употребляется шиитами для обозначения государства) — объединение верующих под началом имама. Власть халифа или имама распространяется как на светскую, так и на духовную сферу, она божественна по своему источнику. В отличие от христианства, отстаивающего разделение властей на духовную и светскую, ислам утверждает их единство. Имамат и халифат рассматриваются как теократия.

Развитие представлений о государстве в средневековой России представляет собой нечто среднее между Западом и Востоком.

Русская традиция, в отличие от западноевропейской, также не выработала нового термина для определения государства. Буквальное и архаичное значение этого слова, производного от «государя», тождественно «королевству», «царству». Это словообразование — типичный пример конкретного мышления древних народов. Государство неразрывно связывается с государем: это его владение, его вотчина, объект, на который распространяется его власть. Власть

правителя ассоциируется со справедливостью, законом, правдой, единством. Ей противопоставляется анархия, междоусобица. Согласно «Повести временных лет» варяжский князь Рюрик, основатель династии киевских «державцев», был призван славянскими племенами для установления порядка, которого не было в их земле. Для обоснования власти государя русская политическая литература, наряду с версией добровольного призвания Рюрика, т.е. своего рода договора, широко прибегала и к авторитету религии. Идея божественной санкции царской власти получила четкое выражение в XV—XVI вв. в теории «Москва — третий Рим», в наиболее последовательной форме изложенной в посланиях псковского монаха Филофея. Филофей развивает византийские традиции. Царь для него наместник бога и его слуга, в его лице совмещаются светская и духовная власть.

Но, неся на себе значительный груз средневековых патриархальных и иррациональных представлений, слова «государь», «государство» наполнялись и новым смыслом, в какой-то мере абстрагирующимся от реального и индивидуального носителя власти. Постепенно они сближались с родовыми понятиями типа «полис», «республика». Причем такое понимание было заложено еще в слове «государь», которое означало не только лицо, но и служило выражением идеи суверенитета. Характерно в этом отношении употребление слова «государь» в документах Новгородской республики, где оно становится символом государственного единства и независимости: «господин государь Великий Новгород»³. Великий Новгород, все его концы, все население и должностные лица (причем без участия князя) выступает здесь как коллективный государь, т.е. суверен. отождествление «государства» не с конкретным лицом, а с идеей суверенитета делало излишними поиски нового слова.

В древности и в Средние века не только на Востоке, где эта традиция сохраняется и по сей день, но и в Европе государство прочно отождествлялось с обществом. Государство охватывало все стороны жизни и ни в коей мере не противопоставлялось обществу и человеку. Человек рассматривался как органическая часть единого, нерасчлененного общества — государства. Понятие полиса (города-государства, политически организованного общества) в этом смысле символично. Возникновение индивидуализма в эпоху Возрождения подложило мину замедленного действия под такие представления. Появляется проблема соотношения личности, общества и государства. Подданный, осознавший свою особость, индивидуальность, самоценность, заявляет притязания на определенные права, которые присущи ему как бы независимо от государства. Он ждет от государства гарантии этих прав, обеспечения своей свободы. По мере становления самосознания личности и ее автономия вступают в потенциальное противоречие с государством. Вопрос ставится так: какой принцип выше — индивидуальности или целостности? Древняя и средневековая политическая культура без колебаний решала его в пользу целостности, т.е. общества-государства. Человек рассматривался как органическая часть целого и входивших в него более мелких общественных структур. Вне их он не мыслил своего существования.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С. 152.

Притязания к обществу исключались, право личности рассматривалось как награда за исполнение своего долга перед обществом. С индивидуализмом идея естественного права приобретает новое содержание. Это уже не установленный богами или основанный на разуме порядок вещей, но присущие каждому человеку от природы права. Договорная теория происхождения государства, получившая особое признание и новое звучание в эпоху буржуазных революций, также связана с индивидуализмом: гражданин по своей воле участвует в учреждении государства, он создает его для осуществления своих целей, в случае, если власть уклоняется от этих целей, гражданин свободен от обязательств по отношению к власти. Таковы новые аспекты старой как мир договорной теории происхождения государства, получившие широкое общественное признание в эпоху буржуазных революций. Индивидуализм начинает борьбу с теологическими, патриархальными и органическими теориями государства. Идеи неотчуждаемых прав личности и общественного договора легли в основу либерализма, отстаивающего свободу личности, наделяющего личность и общество определенной автономией по отношению к государству. Однако идеи верховенства единого целого над составными частями получают новое выражение в органических или организмических теориях государства, в идеях полной неограниченности суверена, общей воли и т.п. Один из убежденных сторонников превосходства государства над личностью, Гегель, называл либералов и приверженцев теории общественного договора атомистами.

Идеи вычленения государства из общества пробивали себе дорогу медленно. Казалось бы, Джон Локк со своими идеями ограничения государственной власти и незыблемости естественных прав сделал все необходимое, чтобы провести четкую грань между обществом и государством. Однако, как и Руссо, как все представители школы общественного договора, он рассматривал гражданское общество и государство в качестве синонимов. Заключив общественный договор, люди вышли из естественного состояния и положили начало гражданскому обществу или государству. Общество с политической, т.е. основанной на согласии людей, на народном суверенитете, а не деспотической властью — это и есть, по Локку и Руссо, государство.

Первым мыслителем, проведшим грань между гражданским обществом и государством, подчеркнул при этом, что гражданское общество — продукт недавнего времени, был Гегель. Но он, как классический государственник, и поставил гражданское общество ниже государства, объявил его недостаточным, неспособным на самостоятельное гармоническое развитие. В гражданском обществе господствуют слепые экономические законы. Это сфера борьбы частных интересов. Лишь в государстве реализуются политические законы, законы свободы, действующие в интересах органического целого.

Своеобразным возрождением представлений о тождестве общества и государства при верховенстве властного начала явился тоталитаризм.

На протяжении тысячелетий ведется спор о природе или назначении государства. Большинство мыслителей исходило из того, что государство служит общему благу, интересам всех членов общества. Меньшинство считало, что это

инструмент в руках людей, обладающих властью, для осуществления собственных целей.

В четкой форме эта дилемма сформулирована в диалогах Платона. В «Государстве» Сократ (персонаж платоновского сочинения, в уста которого автор вкладывает свои мысли) доказывает, что власть должна служить общему благу, что в основе ее лежит справедливость, т.е. мудрость и добродетель. С ним спорит другой участник беседы — софист Фрисимах, также лицо историческое. Он называет Сократа величайшим простаком и настаивает, что «справедливый человек всегда проигрывает сравнительно с несправедливым». «Справедливость, — утверждает Фрасимах, — это то, что пригодно сильнейшему. Разве ты не знаешь, что в одних государствах строй тиранический, в других — демократический, в третьих — аристократический... Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия — демократические законы, тирания — тиранические, так же и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных — это и есть то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости. Так вот, я и говорю, почтенный Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она — сила, вот и выходит... что справедливость везде одно то же: то, что пригодно для сильнейшего»⁴. Иными словами, государство служит интересам тех, кто держит в своих руках власть.

Платоновская точка зрения явно преобладала в истории политической мысли. Архаичные и религиозные системы, рассматривавшие государство как семью, а царя как отца подданных в древности и Средневековье, сторонники теории общественного договора в Новое время, утилитаристы, либералы, позитивисты, консерваторы XIX в., сегодняшние приверженцы идеи государства благоденствия или социального государства — все сходились на том, что целью политической власти является «наибольшее благо наибольшего числа людей», согласно знаменитой формуле И. Бентама. Однако и мнение Фрасимаха не прошло бесследно. У него были и предшественники. В Древнем Китае легендарный основатель даосизма Лао-цзы (VI в. до н.э.), отвергавший крупные государства как нечто искусственное, придуманное людьми и противоречащее вечному закону дао, полагал, что правители используют власть в своих интересах («народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов»). Отрешенность от мира сего, в том числе и от власти, проповедовавшаяся буддизмом и ранним христианством, содержала в себе и элемент пассивной критики существующих политических порядков. Не случайно среди христиан возникли и анархические секты (гностики), которые заявляли, что Иисус всех сделал свободными.

В XVI в. Томас Мор вкладывает в уста рассказчика из «Утопии» Гитлодея следующие слова: «Когда я внимательно наблюдал и размышлял о всех государствах, которые процветают и донине, честное слово, не встретил я ничего, кроме некоего заговора богатых под предлогом и под именем государства, думающих о своих выгодах». В 1753 г. в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Ж.-Ж. Руссо воспроизводит в более аргументированном виде ту же мысль. То государство, начало которому якобы положил

⁴ Платон. Сочинения. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 106—107.

общественный договор, предстает в этом сочинении Руссо не как торжество разума (согласно общей традиции школы общественного договора), а как результат обмана бедных людей богатыми. Общество и законы, по словам Руссо, «связывали новыми путями слабых и придавали новые силы богатым, разрушая без возврата естественную свободу и устанавливая навсегда законы собственности и неравенства». Исследователи справедливо отмечают в творчестве Руссо предмарксистские мотивы. Анархисты XIX в. отождествляли государства с насилием, подавлением, рабством. Эта общая оценка у некоторых из них не лишена классовых обертонов. Бакунин считал современное ему европейское государство господством буржуазии и в то же время отрицал выдвигавшуюся Марксом идею господства (диктатуры) пролетариата.

«Фрасимаховская» точка зрения, обогащенная на социальной основе Мором и Руссо, получила своеобразное развитие в марксистском учении о классовой природе государства. По К. Марксу, Ф. Энгельсу и их последователям, государство выражает интересы не просто группы лиц, держащих в своих руках власть, но и господствующего общественного класса. При этом ни Маркс, ни Энгельс не отрицали, что, наряду с классовыми, всякое государство выполняет и общепольные, т.е. отвечающие нуждам всего населения, функции, о чем забывали некоторые интерпретаторы их учения. Классовый подход привел Маркса и Энгельса к оригинальному пониманию сущности государства, отличному от традиционных для либеральной и консервативной мысли представлений. Для марксистов государство не синоним политической власти в обществе. Государство — продукт общества, расколотого непримиримыми классовыми противоречиями. Различия между догосударственным и государственным состоянием приобретают не только формально-организационный (объединение по территориальному, а не по родовому признаку, налоги и наличие особых выделенных из общества отрядов людей и материальных придатков, обеспечивающих осуществление власти), но и социальный характер. Государство, по Марксу, представляет собой организацию господствующего класса, выделившуюся из общества и стоящую над ним. Именно с таким пониманием этого явления связана идея отмирания государства при коммунизме. Под отмиранием государства имелся в виду не отказ от организации и власти, а всего лишь утрата властью классового характера, ее возвращение на новом витке исторического развития к исходному пункту, возвращение в лоно общества, преодоление обособленности власти от общества.

Идея ненужности государства на высших стадиях развития общества выдвигалась не только марксистами. А. И. Герцен полагал, что социализм не требует государства, но это, говорил он, не дело завтрашнего дня. Н. Г. Чернышевский думал, что государство в будущем может исчезнуть, когда изобилие благ устранил возможность конфликтов.

В современных условиях получает все большее распространение компромиссная между платоновской и фрасимаховской, между либеральной и марксистской точка зрения на природу государства. Она сводится к тому, что в прошлом государство действительно выражало интересы правящего меньшинства или класса, но по мере утверждения демократических принципов оно все более приближается к идеалу служения благу всего общества. Такая точка зрения получает особое распространение в кругах реформистского демократического социализма, ориен-

тирующегося на установление социальной справедливости не путем революции и диктатуры пролетариата, а легальным путем, через всеобщее избирательное право и конституционный механизм. Дж. Ст. Милль с его стремлением избежать господства класса и эгоистического законодательства, фабинианцы, современная социал-демократия — представители этого направления.

Нечто подобное, не без четких социально-политических ориентиров, без попыток научного анализа существующего общественного строя и уже тем более его преобразования, характерно и для теории государства и права в современной России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артхашастра, или Наука политики. — М.-Л. : Издательство Академии наук СССР, 1969. — 802 с.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / ред. Н. Валк. — М.-Л., 1949. — 407 с.
3. *Платон*. Сочинения : в 3 т. — М., 1971. — Т. 3. — Кн. 1.
4. *Saletore B. A.* Ancient Indian Political Thought and Institutions. — L., 1963.